

Уголовно-процессуальное право

УДК: 343.13

JEL: K14

*ГИРЬКО Сергей Иванович*¹

¹ Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), Житная ул., 14, Москва, ГСП-1, 119991
<https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

¹ Гирько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН. E-mail: syvorina959134@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ И УЧЕТА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Предмет/тема. Проблемы регистрации и учета пенитенциарных преступлений в Российской Федерации.

Цели/задачи. В статье автор на основе анализа данных о преступности лиц, осужденных к лишению свободы и содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, осужденных к принудительным работам и содержащихся в исправительных центрах, персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, лиц, оказавшихся в расположении исправительного учреждения в силу разных причин, содержащихся в соответствующих ведомственных статистических формах, сведений о совместной криминальной активности осужденных и персонала исправительных учреждений, подвергает изучению вопрос о соответствии официально регистрируемых сведений о состоянии пенитенциарной преступности реальному ее состоянию. Целью исследования является критический анализ ведомственных статистических форм Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, в которых учитывается деликтная и криминальная активность различных субъектов, в том числе осужденных, персонала исправительных учреждений, лиц, оказавшихся в расположении исправительных учреждений в силу различных профессиональных и личных причин, через призму фактической информации, оценок экспертов, вывод об адекватности или неадекватности отражения в данных официальной ведомственной статистики комплексной информации о пенитенциарной преступности. Авторская гипотеза, отраженная в исследовании, заключается в несоответствии официально регистрируемых данных о пенитенциарной преступности ее реальному состоянию.

Методология. Анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, постановка проблемы, построение гипотез, конкретизация, мониторинг.

Вывод: По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что совокупная информация о состоянии пенитенциарной преступности, распространяемая в научных материалах и служебных отчетах, а также высокий уровень ее латентности, не отражают реального состояния феномена пенитенциарной преступности в России.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, латентность пенитенциарной преступности, состояние пенитенциарной преступности, субъекты пенитенциарных преступлений*

Criminal Procedure Law

¹ **Sergey I. Girko**, Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow Doctor of Law, professor

PROBLEMS OF REGISTRATION AND ACCOUNTING OF PENITENTIARY CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation

Subject/topic Problems of registration and accounting of penitentiary crimes in the Russian Federation

Goals/tasks In the article, the author, based on the analysis of data on the crime of persons sentenced to imprisonment and held in correctional institutions of the penitentiary system, sentenced to forced labor and held in correctional centers, personnel of institutions and bodies of the penitentiary system, persons who found themselves in the location of a correctional institution for various reasons, contained in the relevant departmental statistical forms, information on the joint criminal activity of convicts and staff of correctional institutions, examines the question of whether officially registered information about the state of penitentiary crime corresponds to its real state. The purpose of the study is a critical analysis of the departmental statistical forms of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, which take into account the tort and criminal activity of various subjects, including convicts, correctional personnel, persons who found themselves in the location of correctional institutions due to various professional and personal reasons, through the prism of factual information, expert assessments, the conclusion about the adequacy or inadequacy of the reflection of complex information on penitentiary crime in the official departmental statistics. The author's hypothesis, reflected in the study, is that the officially registered data on penitentiary crime does not correspond to its real state.

Methodology Analysis, synthesis, comparison, abstraction, problem statement, hypothesis building, specification, monitoring.

Conclusion Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the aggregate information about the state of penitentiary crime distributed in scientific materials and official reports, the high level of its latency, does not reflect the real state of the phenomenon of penitentiary crime in Russia.

Keywords: *penitentiary system, correctional institution, latency of penitentiary crime, state of penitentiary crime, subjects of penitentiary crimes*

Проблеме адекватного учета и отражения в материалах статистики, независимо от того какая она – государственная или ведомственная, состояния пенитенциарной преступности, на протяжении последних лет постоянно уделяется внимание научным сообществом. Причиной, которая побуждает интерес ученых-пенитенциаристов к данной проблеме, как видится автору, является желание оценить масштабы проблемы, четко проследить ее структуру и динамику, обнаружить «слабые» места в целях адресного приложения конкретных мер профилактического воздействия.

Представители научного сообщества по-разному определяют понятие «пенитенциарной преступности». Так, к примеру, А.Б. Ваганов предлагает

авторскую дефиницию анализируемой разновидности криминальных проявлений, формулируя ее как «пенитенциарную рецидивную преступность, представляющую собой совокупность преступлений, совершаемых осужденными в пенитенциарном учреждении, влекущих за собой дезорганизацию деятельности уголовно-исполнительной системы, и делающие невыполнимым исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений» [1,с.10].

Анализируя далее статистическую информацию о состоянии преступности в пенитенциарном учреждении, указанный автор приходит к выводу о том, что «таких преступлений в 100 раз больше, чем указано в официальной статистике» [1,с.4].

С последним утверждением А.Б. Ваганова сложно дискутировать, учитывая тот факт, что ученый согласно его утверждению основывается на результатах проведенного исследования статистических данных ФСИН России, анкетирования сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС) и результатах работы правозащитных организаций.

Что же касается предложенного им определения пенитенциарной преступности, то оно представляется не полным, поскольку, как минимум, не учитывает весь спектр преступлений, совершаемых в расположении исправительного учреждения (далее ИУ).

Более точное определение пенитенциарной преступности предложил А.Е. Шалагин, отметив, что преступность в местах лишения свободы – «это совокупность преступлений (уголовно-наказуемых деяний), совершаемых в пенитенциарных учреждениях за определенный промежуток времени, характеризующаяся количественными и качественными показателями» [2,с.216-219].

Не погружаясь в качественные характеристики таких преступлений, отметим, что названный выше автор утверждает, что: «Администрация любого пенитенциарного учреждения не заинтересована в росте числа уголовно-наказуемых деяний на подконтрольных территориях. В связи с чем, значительная часть происшествий в УИУ (уголовно-исполнительные учреждения – авт.) не попадают в официальную статистику» [2,с.217].

В специальной литературе содержится множество подходов к определению пенитенциарной преступности. Авторы Российской криминологической энциклопедии, к примеру, к ней относят «преступность в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, колониях-поселениях, воспитательных колониях, тюрьмах, следственных изоляторах (в части, касающейся осужденных)» [3,с.596].

С приведенным выше подходом вполне можно согласиться, но с одной оговоркой, что имеются в виду ИУ, в которых осужденные содержатся в условиях полной или относительной изоляции, а преступления совершаются ими непосредственно в расположении учреждения. К таким преступлениям, с нашей точки зрения, не могут относиться прецеденты, совершенные хотя и в период отбывания наказания, но вне пределов мест

изоляции.

Полагаем также, что следует позитивно воспринять и уточнения, внесенные целым рядом ученых, характеризующих пенитенциарную преступность.

Так, авторы монографии «Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения» к числу субъектов пенитенциарных преступлений помимо осужденных к лишению свободы, отбывающих наказания в ИУ, совершенно обоснованно относят: «сотрудников начальствующего состава органов и учреждений УИС, производственно-технический, медицинский, педагогический персонал и других сотрудников данных учреждений» [4, с.9].

Приведенный перечень дополняет в своем исследовании, посвященном пенитенциарной преступности, В.Г. Громов, который с одной стороны к числу субъектов таких преступлений относит «работников прокуратуры, суда, сотрудников конвойных подразделений, родственников осужденных», а с другой исключает из него «заключенных, в отношении которых избрана мера пресечения – заключение под стражей» [5].

Далее названный автор формулирует свое отношение к феномену пенитенциарной преступности в узком смысле, понимая под ней «совокупность преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы за определенный промежуток времени» [5].

С приведенным выше взглядом на сущность пенитенциарной преступности трудно согласиться, поскольку автором из числа ее субъектов исключаются все перечисленные им лица, которые находятся на территории ИУ в силу объективных причин и местом совершенного ими преступления является территория ИУ.

Полагаем, что будет вполне обоснованным к числу пенитенциарных преступлений, основываясь на положениях п. 5 ст. 157 УПК РФ, отнести: преступления, совершенные осужденными, отбывающими наказание, сотрудниками соответствующих учреждений и органов (персонал ИУ) против установленного порядка несения службы, а также преступления, совершенные в расположении ИУ иными лицами. К числу последних, как раз, и относятся все те, кто в силу служебных обязанностей или исполнения договорных отношений, а также по различным другим, в том числе и личным причинам, оказались в момент совершения преступления на территории (в расположении) ИУ.

Исходя из нашего подхода к субъектному составу пенитенциарных преступлений и для того, чтобы ранжировать их уровень, необходимо четко определить количественные показатели криминальной активности представителей всех указанных групп. Иными словами, чтобы получить максимально полную информацию о состоянии пенитенциарной преступности в России, важно, прежде всего, учитывать статистическую информацию о преступлениях, совершенных в расположении ИУ: осужденными к лишению свободы; сотрудниками органов и учреждений

УИС; иными лицами, не относящимися к названным группам, но оказавшимися на территории соответствующих органов и учреждений системы в силу объективных и иных причин.

Очевидно, что к числу таких субъектов должны относиться не только осужденные к лишению свободы и содержащиеся в тюрьмах и следственных изоляторах, но также и лица, осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, но в период отбывания наказания постоянно проживающие на территориях исправительных центров и именно там совершившие преступления. Кроме того, следует разделить позицию В.Г.Громова, который полагает, что к таким субъектам относятся «осужденные, находящиеся на бесконвойном передвижении, осужденные колоний-поселений и следующие этапом, а также лица, совершившие преступления за пределами исправительных учреждений, если они посягают на уголовно-исполнительные правоотношения» [5].

В формате настоящего исследования мы не планируем затрагивать вопросы, связанные со структурой пенитенциарной преступности, поскольку с одной стороны этого не позволит объем публикации и ее цели, а с другой – названные проблемы, как нам представляется, являются темой специального изучения.

Каким же образом и насколько скрупулезно отражаются в статистике все названные компоненты пенитенциарной преступности, которые в своей совокупности и должны складывать относительно точное представление о ее количественном состоянии, структуре и масштабности.

Несомненно, основную долю пенитенциарных преступлений составляет преступность осужденных к лишению свободы и содержащихся в ИУ разной направленности и с различными уровнями ограничений и режима изоляции.

Заметим, что, как правило, когда речь заходит о состоянии пенитенциарной преступности, и анализируются ее уровень, структура и динамика, приводятся цифры, взятые из статистической формы 2-УИС. Именно исходя из нее определяется количественный показатель пенитенциарных преступлений по годам: 2012 год – 1280 преступлений; 2013 – 1256; 2014 - 1106; 2015 – 1179; 2016 – 1144; 2017 – 1190; 2018 – 1248; 2019 – 1331; 2020 – 1184 [8].

Обратим внимание, во-первых, на то, что является главным - приведенная статформа учитывает преступления, совершенные лицами, содержащимися в учреждениях УИС, а именно отбывающими наказания в виде лишения свободы в ИК общего, строгого и особого режимов, включая пожизненное лишение свободы; следственных изоляторах; тюрьмах; лечебных исправительных и профилактических учреждениях; воспитательных колониях.

Во-вторых, на то, что цифровой ряд по годам имеет незначительную динамику и создает впечатление, что он в значительной степени отрегулирован искусственно и в силу этого не отражает реальное состояние

уровня преступности данного вида.

Подобному суждению соответствуют и выводы конкретных научных исследований проблем пенитенциарной преступности, свидетельствующие о необъективности официальных статистических данных.

Ранее мы уже приводили выводы Ваганова А.Б. в этой части. Указанный автор выделяет также и основные причины высокого уровня латентности пенитенциарных преступлений: «криминальная субкультура, сокрытие фактов совершения преступлений администрацией ИУ» [1,с.10].

По мнению А.Е. Шалагина, «администрация любого пенитенциарного учреждения не заинтересована в росте числа уголовно-наказуемых деяний на подконтрольной территории. В связи с этим значительная часть происшествий в УИУ не попадает в официальную статистику» [2,с.217].

Аналогичную точку зрения высказал и В.Г. Громов, который отметил, что «в интервью 70% сотрудников ИУ отмечают, что среди осужденных латентность правонарушений достаточно велика. В основном выявляются преступления против жизни и здоровья, практически не выявляются преступления против чести и достоинства, против половой свободы и половой неприкосновенности» [7,с.42-43].

На противоречие продекларированных статистических данных и реальной обстановки с пенитенциарной преступностью обращает внимание А.А. Примак [8,с.25] и многие другие специалисты [9,с.149-154].

Полагаем, что в вопросах полноценной регистрации преступлений в ИУ не последнюю роль играет и отсутствие у начальников учреждений уголовно-процессуальных полномочий органа дознания и потребность постоянных обращений за этим в территориальные органы внутренних дел и подразделения Следственного Комитета, к подследственности которых относятся пенитенциарные преступления.

Все вышесказанное позволяет сделать однозначный вывод о том, что данные, приведенные в названной выше статистической форме и воспринимаемые в качестве единственного источника сведений о пенитенциарной преступности, фактически реальную картину состояния такой преступности не отражают.

Более того, оценка сведений о динамике названных показателей создает убедительную картину их надуманности и заданности, как мы полагаем, в целях формирования мнения о стабильности состояния пенитенциарной преступности и демонстрации невысоких параметров ее уровня. Каков же на самом деле показатель преступности осужденных к лишению свободы? Полагаем, что сегодня такую оценку можно позиционировать, опираясь исключительно на экспертные оценки, некоторые из которых мы привели выше.

Кратко остановимся также на сведениях, характеризующих преступность осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Очевидно, что большинство таких осужденных после вынесения приговора суда продолжает проживать по месту своего постоянного

жительства и в случае совершения ими преступлений различных категорий таковые не учитываются как пенитенциарные. Они проходят регистрацию в территориальных органах внутренних дел, откуда и попадают в государственную статистику о преступности. Конечно, в каждом случае совершения преступлений указанной категорией осужденных проводятся соответствующие ведомственные и надзорные проверки для определения качества индивидуальных профилактических мероприятий с ними. Нередко выявляются недостатки. Однако к теме нашего исследования данная проблема отношения не имеет, поскольку преступность таких осужденных к числу пенитенциарных преступлений не относится.

Иная картина с лицами, осужденными к принудительным работам. Такие лица в период отбывания наказания, как правило, проживают в исправительных центрах, в условиях изоляции. При этом они могут совершать преступления как на территории исправительного центра, так и по месту работы. С нашей точки зрения, такие преступления должны учитываться как пенитенциарные и входить в «валовые показатели» названных преступлений.

Какое количество таких преступлений совершается ежегодно?

Согласно данным ведомственной статистической формы [10], в отношении осужденных названной категории в 2020 году было возбуждено 147 уголовных дел, в том числе 51 - в связи с совершением тяжких и особо тяжких преступлений. При этом 22 таких осужденных были сняты с учета в связи с осуждением и по другим причинам, среди которых вполне может присутствовать и быть скрыто - привлечение к уголовной ответственности, еще – 248. К сожалению, названная статистическая форма не содержит информации о количестве преступлений, совершенных осужденными данной категории, однако, принимая во внимание сведения о возбужденных уголовных делах, можно сделать вывод о том, что количество пенитенциарных преступлений, совершенных осужденными к принудительным работам, составляет не менее 150 – 200 единиц ежегодно.

Очевидно, что названные преступления в общей статистике пенитенциарных преступлений не учтены. Полагаем, что статистическая форма, содержащая сведения о деятельности исправительных центров, нуждается в соответствующей корректировке в целях учета преступлений, совершенных осужденными названной категории.

Преступления, совершаемые персоналом УИС, учитываются в ведомственной статистической форме ФСИН-7 – работа с личным составом (квартальная) в разделе 04 – сведения о преступлениях среди сотрудников УИС. Следует заметить, что количественный учет преступлений в данном случае происходит в части отдельных преступлений, а статистическая информация в данном случае сориентирована, прежде всего, на сотрудника службы. И, как нам видится, в этом смысле статистическая информация, содержащаяся в названном источнике, не дает целостного представления о состоянии преступности среди персонала УИС.

Тем не менее, попытаемся представить определенный порядок таких данных.

Согласно статистической информации, в УИС наиболее часто совершаются и отдельно учитываются следующие виды преступлений: ст. 159 УК РФ – мошенничество; ст.160 УК РФ – присвоение или растрата; ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями; ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий; ст. 290 УК РФ – получение взятки; ст. 291 УК РФ – дача взятки; ст. 292 УК РФ – служебный подлог, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, содержащиеся в ст.228 УК РФ.

Из общего числа уголовных дел, возбужденных в отношении сотрудников УИС, к примеру, в 2018 году, значительная часть (78,4%) приходилась на преступления коррупционной направленности. Согласно данным официальной статистики, в 2018 году в отношении сотрудников было вынесено 164 обвинительных заключения по уголовным делам коррупционной направленности, из которых 35,9 % – связаны с получением, дачей взятки; 23,1 % с превышением должностных полномочий; 8,5 % – со злоупотреблением должностными полномочиями; 1,2 % – с присвоением и растратой [11].

Ситуация не претерпела существенных изменений и по данным 2019 года.

Количество сотрудников УИС, в отношении которых возбуждены уголовные дела, составило 398 чел. При этом в отношении 217 вынесены обвинительные заключения и дела направлены в суд, а в отношении 139 – обвинительные приговоры. Статистическая форма не содержит информации о количестве преступлений, совершенных такими сотрудниками. В то же время в ней содержатся сведения о количестве преступлений отдельных видов. Так, в 2019 году сотрудниками УИС совершено 10 мошенничеств (ст.159 УК РФ), 39 фактов превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), 79 преступлений, связанных с получением и дачей взятки (ст.ст. 290, 291 УК РФ) 22 преступления, связанного с наркотиками (228 УК РФ) [11]. Характерно, что только при элементарном подсчете приведенной информации можно обнаружить 150 преступлений, не учтенных в статистике пенитенциарных преступлений.

Совершенно очевидно, что единственная ведомственная статистическая форма, в которой содержатся отдельные сведения о количестве и структуре преступлений, совершаемых персоналом УИС, в конечном итоге целостной картины преступности персонала УИС, как еще одного значительного фрагмента пенитенциарной преступности, не содержит. Полагаем, что для более точного учета преступлений, совершаемых сотрудниками пенитенциарной системы России, необходима, как минимум, корректировка анализируемой статистической формы в целях детализации сведений о преступлениях данной категории.

Заметим, что преступность персонала ИУ обладает не меньшей латентностью, чем криминальные проявления осужденных. Причем факты

таких массовых преступных действий, как правило, выявляются в ходе адресных проверок ФСИН России или надзорных проверок органов прокуратуры, до проведения которых они скрыты.

Назовем только отдельные примеры. Так, «в апреле 2020 года произошел бунт в ангарской ИК-15, в ходе которого погиб заключенный и сгорела промзона. Этот инцидент без внимания руководства ФСИН не остался: в январе 2021 года в Иркутской области прошла проверка, итогом которой стали девять уголовных дел о пытках, установлено 75 потерпевших и 40 причастных к истязаниям» [12].

Дополняет картину освещение еще одной проверки: «После ЧП в ярославской колонии Генпрокуратура провела множественные проверки, результатами которых стало возбуждение 15 уголовных дел по фактам применения насилия к осужденным сотрудниками ФСИН» [13].

Сколько среди таких нарушений фактов совершения преступлений сотрудниками ИУ остается вопросом, поскольку официально в статистике подобная информация в полном объеме не отражена.

Не добавилось определенности и в 2020 году. По сообщению директора ФСИН России А.П.Калашникова «В этом году было возбуждено порядка 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников УИС» [14]. Сколько в таких делах содержится преступлений, несомненно, относящихся к категории пенитенциарных, также осталось неразрешенным вопросом.

Говоря о преступности персонала ИУ, нельзя оставить без внимания следующие латентные направления преступного бизнеса, когда смыкаются криминальные интересы осужденных и персонала УИС.

Прежде всего, речь идет о проносе в ИУ запрещенных предметов для использования осужденными. И на первом месте здесь сотовые телефоны, передача которых осужденным за вознаграждение по данным многих научных исследований превратилась в доходный бизнес. Это обстоятельство осветил и директор ФСИН А.П. Калашников, пояснивший, что «Самый неприятный способ появления мобильных телефонов, это когда сотрудники предают интересы службы и за определенную мзду проносят телефоны лицам, которые находятся в учреждении» [14].

Полагаем, что без участия руководства ИУ и сотрудников учреждений невозможен и другой, скрытый до поры и времени, распространившийся совместный «криминальный бизнес» с осужденными. О нем повествует публикация «Тюремные «колл-центры» и «корпоративы»: в ГП рассказали о преступлениях в системе ФСИН», где, по данным «представителя надзорного ведомства, осужденный, находясь в ИК в Рязанской области, по телефону выманил у граждан порядка 30 млн.рублей, злоупотребляя их доверием. По данным Банка России, за третий квартал прошлого года телефонные мошенники из колоний обокрали россиян на 1,6 млрд.рублей» [15].

Заметим, что согласно данным о преступности в России за 2020 год «число преступлений, совершенных с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети «Интернет» - на 91,3%, при помощи средств мобильной связи – на 88,3%» [16].

Какую долю среди названных выше преступлений составили пенитенциарные, совершенные осужденными и сотрудниками ИУ совместно и по отдельности, латентные и, в силу этого, скрытые от официальной статистики, определить сложно, но полагаем, что их количество – не малое.

Сказанное выше позволяет со всей очевидностью констатировать, что преступления, совершенные сотрудниками УИС также как и преступления осужденных обладают высокой степенью латентности и их количественные и качественные характеристики, зафиксированные в данных официальной статистики, не отражают реального состояния преступности персонала УИС.

Наконец, еще одна составляющая пенитенциарной преступности – преступления, совершенные иными лицами, оказавшимися в расположении ИУ в силу различных служебных и личных причин. К этой категории субъектов мы относим гражданский персонал ИУ, родственников осужденных, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и др.

Заметим, что специальный акцентированный ведомственный учет преступлений, совершенных субъектами данной категории, во ФСИН России не ведется. Однако отдельные такие сведения содержит статистическая форма СБ-1.

Так, согласно сведениям названной статформы, за передачу осужденным запрещенных предметов в 2020 году были задержаны более 1400 граждан, среди которых: 7 - сотрудники правоохранительных органов, более 580 - родственники в ходе свиданий и передач, 538 граждан – при перебросах, 33 - представители гражданского персонала ИУ, адвокат. Всего за подобные действия 187 граждан привлечены к уголовной ответственности. Информация о количестве пенитенциарных преступлений, за совершение которых названные субъекты привлечены к уголовной ответственности, в указанной статистической форме, к сожалению, не содержится.

С определенной долей вероятности можно высказать суждение о том, что пенитенциарные преступления названной выше категории субъектов, прошедшие официальную регистрацию, так же как и все предыдущие, не отражают их реальной криминальной активности. И в данном случае высока латентность противоправных проявлений, а реальная картина пенитенциарной преступности данного вида нуждается в специальном исследовании.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что статистическая информация, отражающая состояние преступности осужденных к лишению свободы и содержащихся в ИУ, нередко используемая для характеристики пенитенциарной преступности в России, не отражает ее реального

состояния по нескольким причинам.

Во-первых, преступность осужденных к лишению свободы является хотя и основной, но только частью феномена пенитенциарной преступности. Для того чтобы оценить характеристики последней, необходимо также располагать сведениями о преступности персонала УИС, а также данными о криминальной активности лиц, оказавшихся в расположении ИУ в силу различных обстоятельств. Кроме того, важно обладать еще и информацией о преступлениях, совершенных осужденными к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, но отбывающими наказание в условиях относительной изоляции от общества. Такая информация должна быть достоверной и в этом случае в своей совокупности она способна охарактеризовать состояние пенитенциарной преступности в России.

Во-вторых, по положению на сегодняшний день ни одна из ведомственных статистических форм, отражающих отдельные элементы криминальной активности субъектов пенитенциарных преступлений, не обладает адекватной достоверностью.

И, наконец, все названные в статье составляющие пенитенциарной преступности характеризуются высокой степенью латентности и поэтому данные официальной статистики обязательно должны дополняться экспертными оценками ученых, способных определить уровень такой латентности и, соответственно, погрешности в учете пенитенциарных преступлений в целом. В этом случае, как нам представляется, оценка уровня пенитенциарной преступности способна приблизиться к ее реальному состоянию.

Список источников:

1. Ваганов (2012) – Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: Автореф. канд. дис. Челябинск. 2012.

2. Шалагин (2016) - Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №1.

3. Долгова (2000) - Российская криминологическая энциклопедия / Под общ.ред. А.И.Долговой. – М.,2000.

4. Жеребин, Морозов, Меркурьев (2005) - Жеребин В.С., Морозов В.М., Меркурьев В.В. и др. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: Монография / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. – Владимир, 2005.

5. Громов (2020) – Громов В.Г. Пенитенциарная преступность. Электронный ресурс – <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%DO%9F%DO...> – запрос от 17.11.2020.

6. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Форма 2-УИС месячная. Утверждена приказом ФСИН России от 14.08.2019 № 675 (последняя редакция).

7. Громов (2013) - Громов В.Г. Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. №1(11).

8. Примак (2008) - Примак А.А. О некоторых факторах латентности пенитенциарной преступности //Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском федеральном округе. Красноярск, 2008.

9. Хохрин (2014) - Хохрин С.А. Уголовно-исполнительная характеристика пенитенциарной преступности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.

10. Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры. Приложение №1 к приказу ФСИН России от 27.09.2017 № 974.

11. Статистический отчет «Работа с личным составом (форма ФСИН-7)». Доступ из базы данных «Статистика».

12. Зачистка и реформирование: почему глава ФСИН сносит своих замов. Открытое ведомство. 26.03.2021. – Интернетресурс – <https://pasm1.ru/archive/305702/> - запрос от 26.03.2021.

13. Прокуратура выявила 130 фактов нарушения прав заключенных. Интернет-ресурс –<https://pravo.ru/news/205391/> - запрос от 09.02.2021.

14. Следователи возбудили 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников ФСИН в 2020 году. Интернет-ресурс – <https://tass.ru/obshestvo/10121205> - запрос от 17.02.2021.

15. Тюремные «колл-центры» и «корпоративы»: в ГП рассказали о преступлениях в системе ФСИН. – Интернет-ресурс – <https://pasm1.ru/archive/296971/> - запрос от 25.03.2021.

16. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года. – Интернет-ресурс – <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> - запрос от 17.02.2021.

Reference:

Vaganov (2012) - Vaganov A. B. Criminological characteristics of penitentiary crime and its prevention. Author of the cand.dis. [Kriminologičeskaja charakteristika penitenciarnoj prestupnosti I ejo predupreždenije] Chelyabinsk. 2012.

Shalagin (2016) – Shalagin A.E. Criminological characteristics and prevention of crimes committed in places of deprivation of liberty. [Kriminologičeskaja charakteristika I predupreždenije prestuplenij v mestach lišeniija svobody] Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. No. 1.

Dolgova (2000) – Russian Criminological Encyclopedia [Rossijskaja Kriminologičeskaja Entsiclopedija]/ Under the general editorship of A. I. Dolgova. - M., 2000.

Zherebin, Mjrozov, Merkurijev (2005) - Zherebin V. S., Morozov V. M., Merkur'ev V. V., etc. Penitentiary crime: the essence and actual problems of prevention [Penitenciarная преступность: состояние I актуальные проблемы предупреждения] Monogr. / Under the general ed. of Yu. I. Kalinin. - Vladimir, 2005.

Gromov (2020) – Gromov V.G. Penitentiary crime. [Penitenciarная преступность] Electronic resource – <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%DO%9F%DO...> - request from 17.11.2020

Report on the state of crime among persons held in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. Form 2-UIS monthly. Approved by Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 675 of 14.08.2019 (latest version).

Gromov (2013) – Gromov V.G. Prevention of crimes of convicts in correctional institutions [Predupregdenije prestupnosti v ispravitelnich utcrejdenijah] Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1 (11). pp. 42-43.

Primak (2008) – Primak A.A. On some factors of latency of penitentiary crime [O necotorih factorach latentnosti penitentsiarnoj prestupnosti] //Actual problems of combating crime in the Siberian Federal District. Krasnoyarsk, 2008.

Khokhrin (2014) – Khokhrin S.A. Criminal and executive characteristics of penitentiary crime. [Ugolovno-pravovaja karakteristika penitentsiarnoj prestupnosti] Proceedings of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2014. No. 2-2.

Information on the activities of correctional centers and sites functioning as correctional centers. Appendix No. 1 to the order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 27.09.2017 No. 974.

Statistical report work with personnel (form FSIN-7). Access from the Statistics database.

Cleaning and reforming: why the head of the Federal Penitentiary Service demolishes his deputies. Open office. 26.03.2021. - Internet resource – <https://pasm.ru/archive/305702/> - request from 26.03.2021

The Prosecutor's Office has identified 130 cases of violations of the rights of prisoners. Internet resource – <https://pravo.ru/news/205391/> - request from 09.02.2021

Investigators opened 99 criminal cases against 56 employees of the Federal Penitentiary Service in 2020. Internet resource – <https://tass.ru/obshchestvo/10121205> -request from 17.02.2021 15. Prison "call centers" and " corporate events»:the SOE told about the crimes in the system of the Federal Penitentiary Service. - Internetresource – <https://pasm.ru/archive/296971/> - request from 25.03.2021

Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2020. - Internet resource – <https://мвд.рф /reports/item/22678184/> - request from 17.02.2021